

ИСТОРИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: ПАРАДОКСЫ И СМЫСЛЫ

Логунова Лариса Юрьевна,
*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социологических наук
Кемеровского государственного университета,
Россия, 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6
ORCID: 0000-0001-8417-913X.
vinsky888@mail.ru*

Аннотация

Эта работа написана на основе многолетних исследований автором специфики функционирования социальной памяти и наблюдений за событиями современной реальности, в которой историческая память стала инструментом для политических решений ситуативного характера. Молчаливо наблюдать за безответственными действиями политиков и министров, находящих аргументы силы и административного ресурса для оправдания своих намерений, – непростая исследовательская задача. Но ученый обязан говорить, когда молчание становится общественно опасным.

Историческая память есть элемент социальной памяти наряду с памятью культурной, этносоциальной, коммуникативной, семейно-родовой и т. п. Во времена устойчивости общественных процессов все элементы социальной памяти функционируют в режиме взаимодополнения. Но историческая память хранит в своей структуре латентные парадоксы. В кризисных ситуациях парадоксы памяти начинают проявлять себя в виде противоречий функций и содержания. Историческая память начинает конфликтовать с памятью социальной. Источник конфликта – в противоречии между искусственностью происхождения исторической памяти, принципиальной возможностью управления ее смыслами и нерукотворностью социальной памяти, смыслы которой изменить невозможно.

Кризисы – это времена противоречивой политики памяти, провоцирующей атаку исторической памяти на общественное сознание неоднозначными интерпретациями смыслов фактов и событий. Это порождает псевдопатриотизм, идеологические перегибы, искажение традиций, запреты на память о «неудобных» событиях. Социальная память становится полем стабилизации структур общественного сознания. Поле и слои социальной памяти сохраняют в своих структурах опыт предков, запас знаний, необходимых общности для выживания. Хотя интерпретация информации, хранящейся в структурах памяти, социально дифференцирована, она очищена от политики и идеологии. Ее механизмы (трансляция, трансмутация, социальное наследование) действуют модально.

Методологией исследования взаимодействия противоречий социальной и исторической памяти являются междисциплинарный, социокультурный, культуроцентричный и многоуровневый подходы, методики качественного анализа (нарративные интервью с представителями разных этносов, восстановление историй семьи, контент-анализ мемуаристики, публицистики), позволяющие найти точки напряжения в социокультурных процессах, сравнить исторические параллели, использовать методический потенциал смежных дисциплин. Результатом анализа является систематизация противоречий социальной и исторической памяти в кризисных условиях.

Ключевые слова: социальная память, историческая память, семейно-родовая память, социокоды памяти, политика памяти, культуроцентризм.

Библиографическое описание для цитирования:

Лозунова Л.Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 1, ч. 2. – С. 227–253. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-227-253.

Интродукция

Повседневная жизнь человека наполнена образами памяти, которые редко осознаются членами общности во времена стабильности. Коллективная память начинает взрывать поля общественного сознания мнемическими импульсами в периоды кризисов и социальных катаклизмов, напоминая о себе примерами позитивного опыта предков или зловещими аналогиями.

Социальная (коллективная) память – поле опыта повседневной жизни людей. Ее функциональное назначение – сохранение и передача позитивного опыта предков для благополучия потомков. Социальная память представлена образами «памяти мира» (А. Моль), «ноосферы» (В.И. Вернадский, Т. де Шарден), обоснована в виде научных терминов: «надындивидуальная система информации» (В.Г. Афанасьев), «внегенетическая система социального наследования» (И.Л. Андреев), «глобальная общественная память» (В.П. Свечников).

Социальная память есть «обозначение всей наличной информации, имеющейся в обществе» [4, с. 72]. Всё, что когда-то материализовалось в мыслях или в фактах деятельности человека, сохраняется в структурах памяти или архивируется в виде мифов, легенд, эпосов. Эта «культурная память» (Л.П. Решина, [14]), жизнь которой исчисляется десятками поколений, наполнена невидимыми судьбами невидимых людей. Хранящийся в ней опыт выходит за рамки опыта отдельных социальных групп, ее смыслы формализуются и ритуализируются, охраняются традицией. Это чистая в своей политической независимости память народа.

Историческая память является продуктом деятельности представителей государства и сферы исторической науки. Она становится политически

ангажированной, когда ее используют для защиты «правильных» смыслов мнемических образов и исторических фактов. Вследствие этого в структурах социальной памяти начинается внутренний конфликт между смыслами, воплощенными в образы или слоганы. Эти смыслы и образы социальной памяти волевым усилием группы или отдельного человека исправить невозможно. Люди будут защищать смыслы, в которые они верят. Смыслы социальной памяти конвенциональны, защищены от насильственных изменений ментальными структурами общности. Это независимый опыт людей. Историческая же память пластична: человека можно принудить поверить в смыслы, полезные в конкретной политической ситуации. Но ситуативность исторической памяти не разрушает незыблемость социальной памяти. Образы и содержание исторической памяти – это модели идеальной реальности, которые помогают солидаризировать общество, мобилизовать население для решения важных государственных задач. Историческая память сохраняет события прошлого, значительная часть которых есть устойчивое основание для воспроизводства национальной идентичности.

В эпохи перемен и кризисов социальная память и историческая память сталкиваются смыслами, их функционирование из взаимодополняющего превращается в противоречивое. Эти противоречия формируют напряженную мнемическую атмосферу, когда любое мнение или высказывание подвергается жесткой оценке структур государственной власти на предмет лояльности политическому курсу.

Проблема исследования: влияние противоречий функционирования исторической и социальной памяти на жизнь людей в кризисные периоды.

Методология

Территория «Memory Studies» давно стала полем междисциплинарного анализа, на котором предпочтение в последние десятилетия отдается проблемам исторической памяти, «политики памяти». Исследования социальной памяти теряют остроту актуальности, воплощаясь в социально-философскую, феноменологическую, культурологическую аналитику. Зато концепт «историческая память» становится актуальным исследовательским инструментом, с помощью которого оформляются ожесточенные споры о роли этого вида памяти в общественной и политической жизни.

Мы считаем, что историческую память некорректно рассматривать в отрыве от социальной памяти. Для изучения законов их взаимодействия и функционирования мы опираемся на социокультурный подход (П.А. Сорокин, А.С. Ахиезер). Процедурная часть методики – поиск точек социальной напряженности в социокультурной сфере, которые в дальнейшем уплотняются в социальную проблему. Основные методы – социокультур-

ный анализ [13, с. 319], анализ социоклада памяти [6, с. 140–144]. Социокультурная напряженность, как правило, формируется вокруг травматического события в жизни общества. Методическим инструментом для описания действия травматической ситуации является концепция исторической и культурной травмы (Н. Смелзер, Дж. Александер [22], П. Штомпка, [20]), метафора раскола (А.С. Ахиезер [1, с. 72]).

Социальная память – понятие междисциплинарного характера. Его смысл перенесен из медицины и психологии в пространство жизни общества. Э. Дюркгейм определил память как часть духовной культуры, которая действует надындивидуально [3]. Память в качестве кумулятивной структуры, в образовании которой участвуют общности и социальные группы, обосновал М. Хальбвакс [21]. Любые воспоминания суть структуры «коллективной памяти». Они всегда окрашены обстоятельствами пространства, времени, классовой принадлежности, личного социального опыта. Память формируется как результат практик жизни людей и обусловлена конкретно-исторической ситуацией: «...нам непреложно дано время, пространство, порядок физических и социальных событий, признанный и установленный людьми нашей группы» [21, с. 325]. Социальная функция памяти – оформление, конструирование «рамок» эпохи.

История общности, соединяясь с ее памятью, обретает смысл исторической памяти. Связь истории с социальной памятью предстает в терминах «неписанной традиции», «дедовского права». Историки школы «Анналов» увидели свою науку сквозь нагромождения исторических дат и фактов как науку о человеке, переживающем эти факты. Современные исследователи осмысливают историческую память как «проблему коммуникаций исторических знаний, проблему возможностей истории представлять и интерпретировать события» [24, с. 6]. История дистанцируется от интерпретаций, исповедуя научную «объективность». Но человек осмысливает историю через интерпретации. Миссию исследования интерпретаций берет на себя феноменологическая социология, презентуя общество с «некорректными нарративами» о национальном прошлом, наполняющими коллективное сознание. При этом социология отстаивает право на независимость существования таких нарративов от «судейских коллегий», претендующих на монопольную корректность (правильность) интерпретаций исторических фактов. Методологическое правило работы с нарративами: все интерпретации корректны, ибо дифференцированы по социальной принадлежности, степени вовлеченности в события, степени выживаемости рода после события, как правило, травматического характера. Исторический факт становится гибким, пластичным из-за вариативности интерпретаций реальности, особенно реальности, ушедшей в глубины времени («сто голов – сто умов»).

Хотя историческая и социальная память имеют единую основу – нарратив, размежевание двух видов памяти начинается там и тогда, когда человек *переживает* прошлое. Историческая память формируется историками, претендующими на объективность, отсеивающими всё «субъективное», индивидуальное. Социальная память может не отражать истинной истории. Ее функция – помощь человеку в поиске коллективной идентичности, сохранение рецептов опыта выживания общности. Такие рецепты могут быть закодированы в мифических образах, в фантастическом представлении общности о себе. Но от такой фантастики народы не готовы отказываться. Так, хорватов не смущает отсутствие мифической «Белой Хорватии» в Карпатских горах. Историки могут писать свои книги о происхождении хорватского этноса из групп аварского каганата, переселившихся на территорию Далмации в VII в., об отсутствии упоминаний о прикарпатских хорватах [23]. Но далматинцы и загорцы на наш вопрос об их прародине пересказывали легенду о приходе их предков на Средиземноморское побережье с верховьев Тисы. Опираясь на мифы, человеческая индивидуальная память не вступает в противоречие с коллективной памятью: они функционируют параллельно.

Исследуя строение социальной памяти, мы опирались на многоуровневый подход, который помогает увидеть неоднородность ее смыслового поля, социальную дифференциацию в интерпретациях событий, процессы интеграции личностных смыслов в общекультурное смысловое ядро. Многослойность строения социальной памяти иерархически образована тремя уровнями: высший – *общечеловеческий* («память мира»); *коллективный* – «память этносов, общностей» (историческая, этнокультурная, этническая, политическая, семейно-родовая память), которая, воплощаясь в категориях социального пространства, социального времени, повседневности, проявляет себя на *индивидуальном уровне* в памяти человека [6, с. 24–26]. В горизонтальном разрезе социальная память складывается из соотношения асимметричного единства центра (социокода) и периферии, находящихся в постоянном взаимодействии. Социокод – событийный и персонифицированный источник, первоначала культуры и памяти общности, наполненный сакральными и конвенциональными смыслами. В нем сохраняется информация о единой исторической судьбе, едином предке, исторической прародине, првособытии.

Социальная память не есть статичная глыба опыта, она подвижна, обладает способностью эволюционировать, сохраняя неизменный смысл в социокоде – первоначала ее формирования. Этот баланс изменчивости-постоянства определяет стабилизирующую функцию социальной памяти в процессах общественных изменений. Благодаря социальной памяти члены общности во времена социальных катаклизмов защищены от обваль-

ных трансформаций общественного сознания. Память консервирует образцы поведения с помощью механизма традиции, оберегает от катастрофы аномии ритмичностью механизма социального наследования (передачей социально-положительных образцов поведения от деда к внуку, от мастера к адепту). Социальная память имеет мембранную оболочку, селективную социальные инновации, способствующую обновлению ее содержания благодаря механизмам трансляции и трансмутации. Механизмы функционирования социальной памяти не позволяют воцариться культурной и исторической амнезии, ибо определяющее свойство социальной памяти – невозможность ее уничтожения.

Историческая память является частью социальной памяти и обладает всеми ее характеристиками, в том числе избирательностью и селективностью. Исследователями подчеркивается целенаправленность формирования исторической памяти, искусственность ее конструкций, необходимость усилий для того, чтобы результаты обмена информацией были систематизированы, доступны для последующего использования (Э.В. Соколов) [16]. Делаются попытки согласовать историческую память с социальной («социально-историческая память», А.И. Ракитов [11]), выработаны подходы к изучению «исторической памяти»: социально-сциентистский (Дж. Тош [17]), культурно-антропологический (Й. Рюзен [15]).

Характеристика видов противоречий памяти

Историческая память определяется как «глубоко парадоксальная» структура, благодаря которой осмысление событий истории происходит по формуле «Я сжег то, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигал» [18]. Такая противоречивость, по мнению Ж.Т. Тощенко, порождает «кентавров» общественного сознания, допускающего одновременное существование взаимоисключающих позиций. Можно провозглашать необходимость трепетного отношения к отечественной истории, уничтожая архивы с учетными карточками узников ГУЛАГа. Так, в Магаданской области уничтожаются архивы со сведениями о репрессированных в СССР на основании секретного приказа 2014 года.

В некотором смысле уничтожение карточек отражает общую позицию государства по отношению к архивам: по возможности не предавать гласности «неудобную» информацию, принимать законодательные решения запретительного характера. Показательна судьба историка Ю. Дмитриева, который с 1990-х годов исследует репрессии в Карелии, занимается поисками мест массовых расстрелов и захоронений. Самая крупная его находка – урочище Сандармох, где были расстреляны 9 тысяч заключенных. Силловые структуры уже несколько лет ведут расследование в отношении историка, сопровождающееся арестами и судами. Возможно, тема репрес-

сий доставляет мнемический дискомфорт тем, кто мечтает о ренессансе государства тоталитарного типа или болезненно ностальгирует по советскому прошлому.

Русская православная церковь, «забыв» государственные репрессии против церкви в 20-е годы XX века, развернула поклонение «новомученикам» с одновременным восхвалением заслуг перед церковью их палачей или наследников политики репрессий. Фигура И. Сталина идеализируется, создается миф о его монашеском постриге.

Итак, то, что неудобно помнить, можно законодательно забыть. То, что невозможно забыть, можно переинтерпретировать, указывая, *что и как* правильно помнить. Противоречия исторической памяти порождают монстров – кентавров сознания, «объездить» которых могут только структуры социальной памяти и рефлексия членов общности. В глубинах социальной памяти ничего не стирается, несмотря на физическое уничтожение документов, артефактов, прорываясь однажды наружу шокирующей потомков истиной. И тогда историческая память вступает в конфликт с памятью социальной всеми гранями своих парадоксов-противоречий.

Противоречия функций. Социальная память нерукотворна, включена в функционирование социального организма, детерминируя ментальность и поведенческие практики членов общности. Историческая память – конструкция скорее искусственная. Это отрефлексированная историками событийность. Социальная память защищает людей от исторической амнезии; историческая память сама нуждается в защите своих интерпретаций [19]. Она становится инструментом сохранения общественного порядка (или порядка в общественном сознании), помогает членам общности конструировать сложную и неоднозначную картину исторических событий, в которой мифы и историческая правда оказываются взаимосвязаны в эклектичной и причудливой форме.

В концептуально интересной статье-размышлении «История и память» М. Палат высказывает несколько глубоких мыслей. Но с ним трудно согласиться в том, что «история бесконечно перерабатывает прошлое, чтобы создать будущее, память прошлое замораживает» [9, с. 61]. Социальная память сохраняет опыт предков, который наследуют потомки без «заморозки».

Память и история имеют архивирующую функцию. И человеку, и общности дан дар забвения. «Забывается» всё неактуальное, вытесняются травмирующие события. Это избавляет от избыточной информации в «оперативной памяти» общности, дает эмоциональную разгрузку, анестезию, позволяющую забыть ужасы трагических событий. Выполняя кумулятивную функцию, социальная память перерастает в память глобальную – архивы социального (в том числе неактуального) опыта, который могут актуализи-

ровать потомки в кризисных и рутинных ситуациях. В этих архивах хранится информация для будущего и о будущем. Социальная память сохраняет, казалось бы, бесполезные сегодня рецепты того, как высечь огонь с помощью кремня, сложить печь, «сварить кашу из топора». Но при необходимости эту информацию потомки получают разными способами.

Ученые, решая профессиональные задачи, подключаются к полю памяти о будущем, получая идеи для научных открытий. Информация является в снах, инсайтах, в повседневном общении, она может приходить «из будущего», помогая решать сложные задачи. В авторских исследованиях семейно-родовой памяти сибиряков (биографические интервью, восстановление семейных историй 800 сибирских семей) [5] в отдельный кластер собраны сообщения о тайной информации, спрятанной в глубинах семейно-родовой памяти, открывшейся сновидцам. Эта информация получала в дальнейшем подтверждение в реальности. Классической считается легенда о строительстве собора Св. Софии в Константинополе. Архитектурную задачу конструкции купола Юстиниан I решил во сне: он увидел ангела, держащего купол над собором за цепь.

Социальная память ничего не замораживает. Она может быть «теплой» или «холодной», но она всегда активная, живая, готовая к востребованию своего содержания. Историческая память может служить инструментом «для заморозки» неудобных событий. Информация о них бывает опасной для альтернативных интерпретаций, для социального порядка, который стараются сохранять власти. В результате рождаются неоднозначные по смыслу и качеству законы запретительного характера. В этих запретах формируются концептуальные черты национальной политики памяти.

Истина социальной памяти суть опыт предков, она принадлежит общности, всем ее членам, а не конкретной социальной группе. Истина исторической памяти – информация для избранных субъектов. Однако истину нельзя засекретить, запретить, бессмысленно делать вид, что ее не существует. Законы социальной памяти действуют латентно и модально. Они работают по принципу поговорки «Шила в мешке не утаить». Государственные тайны узнают шпионы, личные тайны делают достоянием общности болтливые люди, и всегда находятся историки-энтузиасты, похожие на Ю. Дмитриева, которые вскрывают неудобную для властных структур информацию. Социальная память просачивается инсайтами и открытиями через все запреты и преграды, сохраняя чистую информацию о прошлом, необходимую общности и ее членам для будущего.

Предмет и структуры социальной памяти постоянно обновляются естественным образом вместе с течением жизни, механизмы ее функционирования обладают способностью к самонастройке. Предмет исторической памяти – совокупность конструкций мифического или реального

характера, при этом механизм функционирования не встроено в ее структуры. Он находится вовне, в институтах государства, включается и поддерживается идеологическими решениями. Эти решения играют ключевую роль в процессах обновления объема и содержания исторической памяти. Историческая память поэтому субъектна, «произвольна и производна от власти», она есть «пространство борьбы различных политических сил за обладание правом на интерпретацию общего (государственного, национального) прошлого. Как правило, государство побеждает в этой борьбе и контролирует большую часть историко-информационного пространства, монополизируя право на использование памяти как политического ресурса» [12, с. 128–135].

«Места памяти», памятные даты становятся культовыми точками политики памяти. Они используются для формирования официальных нарративов, могут быть открытого (допускающие плюрализм в оценке прошлого) и закрытого типа (с четко обозначенной позицией относительно исторического события, не подлежащей ревизии). К ним прибегают для поддержания традиций и воспроизводства ритуалов (возложения цветов к памятникам), для демонстрации силы и доблести (парады на площадях), а иногда для упрёка. Последнее заключает в себе опасность. Если «места памяти» используются с целью политической манипуляции, то они начинают защищать своими энергиями неприкосновенность и сакральную чистоту смыслов социальной памяти. Гибель цвета политической элиты Польши в авиакатастрофе под Смоленском вызывает сострадание. Причиной может быть и техническая ошибка, и человеческий фактор. Но, возможно, ключевую роль сыграл фактор святости братских могил Катыни. Ритуалы и акты, связанные с памятью, окрашены эмоцией скорби, и она должна быть искренней. Социальная память, в отличие от памяти исторической, не допускает манипуляций.

Итак, в эпохи кризиса институты власти стараются использовать историческую память для организации контроля над общественным сознанием. Историческая память становится инструментом для управления населением, определяя нормы политического поведения. Социальная память призвана защищать людей от манипуляций историческими событиями и фактами. Она помнит всё без моральных оценок. Это поле опыта человечества, включающее и позитивный, и трагический опыт. Историческая память формирует концепцию политики памяти, принуждающую помнить избирательно и с определенными смысловыми акцентами на триумфах и трагедиях.

Противоречия содержания и смыслов. Содержание социальной памяти непротиворечиво. Оно изначально построено на гармоничном сочетании всех ее элементов. Смыслы содержания социальной памяти закреплены в

мифе о Мнемосине – дочери Геи и Урана. Память рождена между землей и небом как структура общественного сознания. Ее механизмы должны были включиться от некой «вспышки» – молнии Зевса, в результате которой у богини памяти Мнемосины, согласно мифу, родилось девять дочерей. Мнемосина дала жизнь идеальному строению общественного сознания. Ее дочери – музы, хранительницы тайн выживания человечества, покровительствующие разным элементам социальной памяти: естественные науки для сохранения знаний о законах выживания, философия для способности к здоровой мысли, история для способности помнить себя, искусства для подчеркивания отличия мира человека от мира природы. Музы управляются гармонией и светом, которые олицетворяет бог искусств и врачевания Аполлон. Такова идеальная природа законов памяти, зафиксированная в мифе: искусство помнить и терапия амнезии.

Жизнь пунктирна в своей событийной и смысловой канве. Поэтому гармония памяти всегда под угрозой во времена кризисов. Сбой в памяти общности начинается, когда муза истории Клио «становится» в центр на место Аполлона. В реальности это означает, что волевым усилием политики изменяют стройную структуру памяти. Свое видение истории власть стремится законодательно закрепить в виде доминирующих стратегий изучения прошлого. Историки начинают обслуживать политический заказ, наполняя содержание памяти дисгармоничными смыслами.

История и память не тождественны друг другу, хотя имеют общие механизмы избирательного запоминания и забвения. Социальная память безопеночна. Она запоминает всё, что произошло, независимо от эмоциональной окраски воспоминаний. Человек и общность не оценивают историю. Они переживают события повседневной жизни. Социальная память запоминает эти чувства, связанные с событиями. Информация проходит проверку на актуальность практиками жизни, неактуальная информация перетекает в блоки глобальной памяти. В исторической памяти информация подвергается оценке и удаляется субъектами политики. Так, в Литве «забыли» о роли литовцев в судьбах евреев во время Второй мировой войны, в Турции не любят «вспоминать» жертв армянского геноцида 1915 года. Историческая память становится инструментом решения политических задач.

Социальная память пишется судьбами представителей общности, историческая – историками или представителями структур власти. Носителю социальной памяти может быть безразлично, что определяют как судьбоносное историки. Он считает истинным то, что рассказали ему прародители, нарисовав картины семейных историй на полотне повседневной жизни рода. Так, при советской власти историки убеждали население России, что революционные события 1917 года были судьбоносными, оказавшими

влияние на каждого россиянина. Но, изучая семейно-родовую память сибиряков, мы обратили внимание на отсутствие в нарративах акцентов, связанных с датой «1917 год». Эта дата упоминалась лишь в контексте событий семейной истории. То, что действительно затронуло судьбы сибиряков, – кампания раскулачивания, начавшаяся в 1928 году. Этот год – рубеж, после которого меняется характер эмоций и событийности в нарративах. Однако эта дата интересует в большей степени узкий слой историков-специалистов, исследующих репрессии.

Итак, идеальный образ памяти общности – гармония всех ее элементов, основанная на запоминании и забвении. Но в реальности смыслы памяти одной социальной группы приходят в противоречие с желанием другой социальной группы предать забвению некоторые события или изменить их интерпретацию. Каждая группа артикулирует свое понимание правды. Этот конфликт превращается в «раскол» общественного сознания.

Противоречия интерпретаций. Мы не рассматриваем степень ложности или истинности смыслов. Любая правда не есть истина, но является фактом социальной реальности. Корректно исследовать смыслы в плоскости стабилизации/обострения социальной ситуации. Мобилизационные смыслы опасны тем, что они переключают население с решения актуальных задач повседневной жизни на поддержку политических решений. Они хорошо работают в ситуации решения важных государственных задач. Но граждане устают от настойчивого мобилизационного поведения власти, которая вынуждена «подгонять» смыслы исторической памяти под необходимое (ожидаемое) поведение населения. Свою функционально нейтральную позицию (осознанное обращение общности к прошлому) историческая память меняет на критическую, превращаясь в совокупность событий, выбранных и обоснованных историками в качестве судьбоносных.

Смыслы исторической памяти дифференцируются с утилитарной позиции. Конфликты смыслов, получающие с разных социальных и политических позиций диаметрально противоположное толкование, взрывают поля памяти. Мифы объявляются панацеей для сохранения «духовных скреп», министры сражаются с работниками архивов. На этом ментальном поле сражения побеждает не здравый смысл, но ситуативный политический расчет. Аргумент, подкрепленный архивными документами, проигрывает фантазиям, выдающим желаемое за реальность. Историческая правда сталкивается с правдой истории на виражах политики.

В спокойной мнемической атмосфере историческая правда не противоречит исторической памяти. Правдой истории и правдой памяти наполнено содержание социальной памяти. Но когда правда истории всплывает на поверхность среди пены из политики и идеологии, возникает страх перед деталями, которые требуют уважения. Правда памяти людей выносит-

ся за скобки политических решений. Правдой становится то, в чем удалось убедить население.

После успешного решения задачи политической мобилизации наследники исторической памяти получают мифы вместо правды исторических фактов вместе с социальными проблемами, которые не смогли решить отцы, занятые мнемическими битвами. Но истина социальной памяти рано или поздно открывается, и это становится шоком, травмой для потомков. Они, не будучи участниками событий, получают в наследство ответственность за действия отцов и дедов, сделавших приоритетом решение политических задач, а не обеспечение благополучного будущего потомкам. Так, для поколений, читавших в школе про «подвиг 28 панфиловцев», стало шоком открытие архивов с истинной историей. П. Штомпка отмечает, что культурную травму несут не только социальные катаклизмы, но и смена политических идеологий, открытие архивов и восстановление исторической правды. Согласие отцов с тем, что хороший миф лучше жестокой правды, травмоопасно для потомков.

Историческая и культурная травма остается раной в общественном сознании, разрушает привычный порядок жизни, разрывает преемственность между поколениями. Культурная травма является одним из факторов социальных изменений, она начинает действовать, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире [20, с. 89–90]. В канву полотна социальной памяти входят травмирующие осколки событийности, изменяющие ее гармоничный рисунок.

Распад солидарности в общности начинается, когда отдельные группы ожесточенно защищают противоречащие трактовки одного и того же исторического события. Травматические ситуации деформируют хрупкую и податливую социокультурную сферу. И пока на макроуровне общественного сознания бушуют страсти и научные дискуссии, в которых субъекты оперируют неравновесными аргументами мифов и исторических документов, идеологических слоганов и здравого смысла, на микроуровне социокультурной реальности люди вынуждены переживать крушение судеб, принудительное изменение социальных привычек, сбой в рутинных повседневных практиках или невозможность воспроизводить их в обычном режиме.

Травма сопряжена с депривацией социальных групп, поляризацией и расколом духовного единства общности. Она притягивает события еще более разрушительной силы, которые воспринимаются благом, потому что вновь солидаризируют и мобилизуют население на решение общих задач выживания нации. Так, за травмой, связанной с коллективизацией и гибелью русской интеллигенции в 20–30-х годах XX века, расколовшей

общество на «врагов народа» и собственно «народ», последовала трагедия Второй мировой войны, объединившая депривированное и избежавшее репрессий население для защиты своей территории.

Социальная память имеет кластерную структуру. Интерпретация событий социально дифференцирована. То, что помнят одни, неважно для других. Что оплакивают члены одной социальной группы, бессмысленно для других. Одна группа поддерживает себя воспоминаниями, потому что их воспроизводство для нее есть подтверждение идентичности. Другая группа может препятствовать сохранению в памяти «неудобных» событий с целью обоснования собственной легитимности. Но для социальной памяти и первые, и вторые суть ее носители. Запрещать – значит тоже помнить. Различия воспоминаний заключаются в интерпретациях. Для одних репрессии и раскулачивание – боль утраты привычной картины мира, для других – рутина классового борьбы.

Группа (общность) может выбрать сценарий неблагополучия, который потомки, воспроизводя в социальных практиках, не могут отменить без осмысления и общественной дискуссии. Так, зажиточность сибирского крестьянства пришла в противоречие с требованием коллективной бедности строителей коммунизма. В 1913 году сибирский крестьянин смазывал телеги сливочным маслом. Семейные стада считали не по головам, а по «логам». Исследователь быта сибиряков Ю.М. Гончаров отмечает, что питание сибиряков в XIX в. было обильнее, чем жителей европейской части России, а блюда – разнообразнее [2, с. 148]. Сибирский крестьянин в конце XIX в. питался «как дай Бог чиновнику средней руки в Петербурге» [2, с. 163]. Практически всю Сибирь можно было «раскулачить». Сибиряки не поняли смысла революционных изменений, но смысл процесса раскулачивания был им предельно понятен: отнимай богатство у того, кто много работает, и отдавай бездельникам [6, с. 89–90]. Таков основной рефрен оценки действий «общинников» в нарративах старшего поколения сибиряков.

В качестве защиты семьи от разрушения были выработаны стратегии бедности. Чтобы избежать репрессий, сибиряки стали «притворяться бедными»: выгоняли скот на улицу и уходили в города на заработки, создавали браки с представителями более низких социальных сословий, скрывая свое происхождение, добровольно отказывались от семейного имущества и т. п. Эту стратегию унаследовали потомки. В 1960–1970-е годы XX века нормой считалась аскетичная жизнь. Демонстрация достатка осуждалась. В коллективном бессознательном сибиряков сформировалась модель «скромного достатка», которую они неосознанно воспроизводили в повседневных практиках. Так действуют неосознаваемые жизненные сценарии – стереотипы поведения, на которые повлияла травмированная историческая па-

мать. Сегодня у иностранных туристов и бизнес-партнеров вызывает удивление быт людей, которые «ходят ногами по золоту» – ископаемым, хранящимся в недрах земли, а сами не выглядят богатыми.

Итак, травма, разрушающая плотность социокультурной ткани и гармонию мнемической атмосферы, является не одномоментным событием, но процессом с этапами травматической последовательности. Оформляясь в циклы, эта последовательность превращается в модально действующие жизненные сценарии, которые принимают потомки в качестве исторического наследия. Таковы неочевидные законы общественного развития, которые можно назвать «феноменом зависимости от предыдущей траектории развития» [8].

Противоречия ошибок памяти. Долго скорбеть и переживать утраты люди не могут: они возвращаются к повседневным заботам, стараясь забыть ужасы вчерашнего дня. Это этап «совладания с травмой». Содержание социальной памяти дополняется ошибками памяти, связанными с нежеланием или с невозможностью человека вспоминать реальность без ретуширования или приукрашивания. Возможно также болезненное забвение – вытеснение из памяти отдельных событий.

«Забывтые» события сохраняются в социальной памяти. Разрывы в ткани социокультурной реальности и пустоты памяти, созданные вытеснением воспоминаний о травмирующих событиях, заполняются мифами, историями с приукрашенной реальностью. В структурах социальной памяти то, что считается преданным забвению, восстанавливается с помощью реминисценций – искаженных представлений о прошлом. Эти искажения дополняют интерпретации, но не изменяют содержание социальной памяти, которая способна явить правду памяти членам общности в любой актуальный момент.

Историческая память благодаря своей пластичности и субъектности заставляет переинтерпретировать историю. В результате манипуляций с ее смыслами появляются псевдоисторические романы, псевдонаучные диссертации, псевдопатриотические фильмы; проявляется «забывчивость» социальных групп, не просто прощающих палачам их деяния, но и восхваляющих то, за что следует требовать покаяния по всем этическим и юридическим законам. Травма продолжает инерционное разрушительное влияние, закрепляясь темным энергетическим пятном в мнемической атмосфере. При этом власти законодательно табуируют обсуждение травмирующих событий, проявляют или поощряют агрессию к гражданам и гражданским сообществам, пытающимся выявить истину.

Политика забвения «некомплиментарной» истории приводит к формированию в обществе «непроговариваемых» неврозов, передающихся потомкам. Отцы, не желающие решать свои проблемы, перекладывают их

на плечи детей, у которых хватает и собственных проблем. Когда сложится очередная кризисная ситуация, это темное пятно неартикулируемых травматических неврозозов общности взорвется новым культурным или информационным шоком, ломая судьбы потомков. Травматическая последовательность может синхронизироваться с жизненными сценариями, отражаясь в жизни потомков повторениями трагической событийности.

Механизм социального наследования нельзя отменить или модернизировать. Не пережитая населением травматическая ситуация, без честного обсуждения фактов на основе архивных документов, передается потомкам в качестве незавершенного жизненного сценария. Образы прошлого присутствуют в настоящем в виде скрытых и упущенных из-за страха возможностей или воспоминаний о неудачном социальном опыте. Вытесненные из памяти события не исчезают, они настойчиво проявляются в структурах коллективного бессознательного, материализуясь в мнемических следах – метках на ткани социокультурной реальности. Эти противоречия вызывают мнемический дискомфорт, который современники стараются преодолеть, успокаивая себя, что «ничего страшного не произошло», или стигматизируя тех, кто пытается вскрыть историческую правду. Наследники исторической памяти начинают остро воспринимать события прошлого: мифы и право на правду переплетаются в их сознании, дезориентируют в ситуациях личностных духовных выборов. Неоднозначные образы героев и исторических событий могут быть использованы в качестве орудий оправдания ситуативных политических решений, инструмента национального мнемического упрека. Инерция травмы даже в смягченном времени действия продолжает разрушать социокультурную ткань общества. Человека легко социально дезориентировать, сыграв на его болезненных воспоминаниях.

В ситуации разрыва традиций идет аккумуляция фрагментарного опыта кратковременных ситуативных действий. Члены общности теряют способность вырабатывать устойчивые позитивные социальные привычки, критически осмысливать прошлое. Поэтому будущее или вообще не мыслится (на это нет времени), или наполняется мифами опасностей, поисками внутренних и внешних врагов. Право на забвение и свободу интерпретаций вступает в противоречие с правом на правду памяти.

Жизненная энергия общности тратится на защитную реакцию, сопротивление травмирующим событиям прошлого, нежелание принять тяжелые факты. Там, где существует такое сопротивление (метка памяти), гноится рана, накаляя мнемическую атмосферу. Это провоцирует материализацию социальных фобий. Создаются организации черносотенного толка (типа «Сорок сороков», «Божья воля», «Союз православных хоругвеносцев»), союзы «патриотов навзрыд» (типа НОД, «Наши»), агрес-

сивно навязывающие свои смыслы обществу, диктующие свои специфические художественные вкусы, своей активностью раскалывающие общество на «своих» и «чужих». В угоду им принимаются неоднозначные законы, что приводит к падению морального авторитета фундаментальных социальных институтов и угрожает устойчивости всего общественного здания.

В кризисных ситуациях стабилизирующим механизмом и терапией для общественного сознания становится социальная память. Ее консервирующая функция не дает галолирующей событийности превратиться в мощный поток, сметающий на своем пути островки рациональных мыслей и аргументов. Микроуровень памяти, сохраняющий опыт предков (семейно-родовой, личностный), защищает человека от социальных авантюр в своей жизни. Глубинные основания памяти – социокоды [10, с. 19–22], в которых записана информация о началах культуры народа, отторгают все решения и законы, не соответствующие смыслам, на которых построена ментальность общности. Неважно, сколько жертв власть готова положить на алтарь своего желания управлять населением. Так, социокод крестьянственности русских был причиной сопротивления насильственной коллективизации и звучал, пока колхозы функционировали на железных условиях фактически крепостного социалистического права. Коллективное сознание, вынужденное согласиться с новым укладом жизни, поддерживало внутренне сопротивление целые десятилетия. Однако население страны легко согласилось с неоднозначным в процедурном смысле решением власти вернуть Крым в состав России. Социокодам русской культуры созвучна мысль о национальном праве на территорию, которую защищали наши предки.

Итак, историческая память в России – проблемная зона социокультурной сферы. Всегда есть угроза, что недальновидные политики начнут корректировать опыт исторической памяти для «правильного» понимания событий прошлого населением с целью политической мобилизации. Но стабилизирующие механизмы социальной памяти защищают общность от тяжелых последствий политических игр с историей. Содержание и смыслы памяти наследуются потомками в неизменном виде. Историю можно преподавать в учебных заведениях, изменяя смыслы согласно ситуации. Но история учит, что за травмой, лишавшей общество единства, следует еще более сильная по мощности социальных разрушений травма.

Противоречия чувств. Поле памяти – территория чувств. История бесстрастна. Но воспоминания о прошлом (индивидуальные и коллективные) всегда эмоционально окрашены. Все воспоминания суть нарративы с разными видами и степенью эмоциональной окраски. М. Палат характеризует память как ностальгию, скорбь о прошлом, утраченном. С этим можно

согласиться. Но память еще сопряжена с чувством облегчения по поводу завершения трагических событий.

По поводу одного и того же события разные группы могут испытывать и восторг, и сожаление. Всё дело в «определении ситуации». Победители будут гордиться удачей, отмечая памятные даты парадами и шествиями. Скорбь – это чувство для проигравших. Всё зависит от исторических акцентов, расставленных представителями доминирующей идеологии на победоносной картине.

Перевертыш исторической памяти может превратить всеобщую радость победы в постоянный мобилизационный кнут, подстегивающий патриотические чувства народа. Из ностальгии и сакральной скорби память превращается в трескучий банальный лозунг (типа «спасибо деду за победу») с трудно определяемыми эмоциями, подобными чванству, но никак не благодарности. «Оппоненты» будут испытывать оппозиционные чувства. Но если общество расколосось на «победителей» и «оппонентов», то это признак разрыва в структурах социальной памяти. Раскол в памяти означает раскол солидарности общности.

Чувства – строительный материал событий будущего. Конструкция этих событий покоится изначально не на идеальных планах и политических стратегиях, но на всех оттенках чувств человека: от любви и благодарности, скорби и сожаления до гнева и ненависти. Планы, намерения и действия суть воплощения энергетического ядра событийности – чувств.

В науках об обществе не принято писать о чувствах. Социологи стараются избегать исследований о чувствах человека. В результате большинство наук о человеке превращает свой объект в бесчувственную функцию. Социальная память и чувства, которые она вызывает, субъективны и в этом смысле очеловечивают людей, лишая этим науку «самого святого» – объективности. Смыслы социальной памяти интерсубъективны, они есть консенсус социальной группы по поводу исторических событий. К тому же любые смыслы рождают эмоции. Конвенциональный смысл образов памяти есть интерсубъективная эмоциональная рефлексия.

Социальная память своими образами создает эмоциональный фон. Воспоминания потомков о своих предках рождают чувства гордости и любви, которые нивелируют чувства стыда или неудобства из-за их неблагоприятных поступков. При устойчивом развитии социума царствует нейтральная эмоциональная и мнемическая атмосфера.

Но в кризисных ситуациях всё меняется. Власть требует от населения «новых правильных» патриотических чувств. Историческая память становится инструментом для пересмотра смыслов событий. Совокупность фактов отбирается институтами власти для утверждения новой концепции национальной идентичности. Формула патриотической вакцины: «правиль-

ные факты» + идеологическая обработка населения = «правильные чувства». Это мощное средство мобилизации, но действие патриотической вакцины однажды заканчивается. Эмоциональная усталость порождает сопротивление группы, вспоминающей и отстаивающей важные для нее факты и их смыслы (правду памяти). Чем активнее навязывается человеку отличный от его понимания события «правильный» смысл, тем упорнее и эмоциональнее он будет защищать собственные смыслы. Факт растворяется в интерпретациях и эмоциях. Эти эмоции будоражат мнемическую атмосферу, делают общность нервной, агрессивной, провоцируют на поиски внешнего врага, мешающего спокойной жизни.

Например, социальная память хранит факты солидарности русского и украинского народа. Современная историческая память формируется в атмосфере конфликтности внешнеполитических курсов двух стран. Всплывают неоднозначные исторические личности, провокационные лозунги прошлого, стороны осыпают друг друга упреками. Противоречивые коллективные чувства отражают нервозность внешней политики, но не способствуют выработке стратегий благополучного будущего для новых поколений. Мобилизация помогает решать актуальные задачи, переключая население с традиционной заботы о будущих поколениях на ситуативные политические проблемы. Власть, используя этот механизм, поступает эгоистично по отношению к населению, хотя в политическом смысле такое поведение вполне адекватно. Затяжная многолетняя мобилизация препятствует разворачиванию стратегий благополучного будущего, фокусируя внимание на гипотетических угрозах.

Будущее основано на чувствах, вызванных событиями настоящего. Любые чувства закрепляют событийность, возможность ее устойчивости и воспроизводимости. Однако негативные чувства энергетически сильнее позитивных. Страх перед гипотетическими неприятностями приводит к тому, что они начинают происходить в реальности. При этом негативные чувства предков наследуются потомками в жизненных сценариях, которые они бессознательно начинают воспроизводить. Власть по обеим сторонам границы, культивируя чувства неприязни к политикам и политике соседской страны, закладывает в структуры памяти негатив, закручивает кольцевую спираль событийности, которая замкнется в одном из следующих поколений национальной трагедией.

Итак, власть, педалируя выгодные ей сегодня чувства, несет ответственность за будущее общности. Чувства, особенно коллективные, попадающие в резонанс, есть мощный строительный материал. Но манипулирование чувствами приводит к взрывоопасной мнемической атмосфере, свидетельствующей о расколе в национальном единстве. Единство памяти – основа солидарности нации. Чем больше конвенциональных смыслов по пово-

ду исторических событий, тем сплоченнее общность. Чем более дифференцированы смыслы памяти, чем сильнее эмоции, связанные с их защитой, тем накаленнее мнемическая атмосфера.

Противоречия политики памяти. Социальная память сакрализует смыслы событий, историческая память политизирует их. То, что может дискредитировать группу в собственных глазах, подвергается переинтерпретации, атрибуции самооправдания или забвению. Для членов общности неприятные события прошлого – это болезненный укол памяти. Коллективное вытеснение – механизм дереализации прошлого. Но вытесненные из памяти события не исчезают, а настойчиво проявляются в структурах коллективного бессознательного. Травматическая событийность замыкает кольцо жизненного сценария с угрозой воспроизведения идентичных травматических событий.

Забвение того, что нужно осознать, принять и простить, – это танцы на граблях. Отцы передают в наследство детям не благополучное будущее, но травматическое прошлое, которое рано или поздно материализуется в жизни новых поколений. Жизнь людей превращается в историческое терпение – ожидание общностью своего судного часа. Таков сценарий естественного воспроизводства социальной жизни, закодированного в смене поколений. Таков бессознательный выбор общностью своей судьбы. Если исцеление от переживания травмы невозможно и отцам тяжело признать трагические факты, то дети получают в наследство трагедию – нерешенную историческую проблему отцов.

Альтернативный сценарий – исцеление от травмы: честность отцов по отношению к самим себе и ответственность за будущее потомков. Социальная память приобретает ретроактивные характеристики: прошлое может активно переосмысливаться, «восприниматься как трагический опыт; вопрос “как такое стало возможным?” может оказаться трудным для общественного сознания, и в таком случае для культуры жизненно важно выработать тот или иной компенсаторный механизм, позволяющий преодолеть травмирующий опыт, не отворачиваясь от мучительных воспоминаний [25, с. 8]. Таким механизмом может служить взвешенная политика памяти, субъектами которой могут быть не только институты власти, но и социальные группы. Согласие официальных и неофициальных нарративов есть критерий политического баланса и взвешенности.

Нарратив должен соответствовать определенной концепции изложения. Это основная канва мнемических интерпретаций. То, что не укладывается в эту концепцию, переосмысливается или передается забвению, вытеснению. Всё становится особенно драматичным, когда этим процессом начинают управлять политики. Власть, решая свои задачи, для сохранения

своего влияния использует набор методов: историческую политику, политику памяти, политизацию истории. Политика памяти рождается на противоречии между правдой памяти и правом на память.

Идею политики памяти высказал впервые в конце 1970-х годов П. Нора [7]. Сегодня политика памяти – одна из важных исследовательских категорий сферы общественного сознания. С помощью политики памяти регулируются мемориальные практики, репрезентируется образ прошлого, востребованный в политическом контексте. Элементы политики памяти проявляются в речах государственных деятелей, определяют содержание и смыслы исторических фактов в учебниках истории, запечатлены в мемориалах, государственной символике, политических практиках.

Доминирующая идеологически группа оставляет за собой право переименовывать населенные пункты и улицы, присваивать имена исторических фигур учреждениям культуры, сохранять образы прошлого с нужными интерпретациями; игнорировать и не вербализировать персонажей и исторические факты, которые не вписываются в официальный исторический дискурс; регулировать доступ к архивам, формулировать стандарты и содержание исторических дисциплин; принимать законы, регулирующие трактовку национальной истории. Используются следующие инструменты в разных технологических комбинациях:

- 1) конструирование идеологии забвения – демонстративного отказа от артикуляции проблемы, пренебрежения ею;
- 2) формирование идеологии упрека с навязчивым возвращением к болезненным событиям с целью получения политических дивидендов;
- 3) воспроизводство идеологии страха перед будущим, наполняющей мнемическую атмосферу разного рода фобиями, как правило, мифическими. Испуганные, неудовлетворенные современными достижениями и уровнем жизни, но гордящиеся былыми победами члены общности легко управляемы.

Ни одна из этих идеологий не ведет к исцелению от травмы, не дает возможности понимать прошлое. Политические элиты редко руководствуются правдой памяти, поддаваясь искушению манипулировать воспоминаниями. В коллективном бессознательном вырабатывается условный рефлекс, выраженный каким-либо идеологическим слоганом, замещающим вытесненную истину, но мобилизующим на исполнение политических решений. Вырабатываются нарративные стратегии: апелляции к «местам памяти», этногенетические предания, поклонения реликвиям, которые члены общности готовы защищать. Но сравнительный анализ официальных и неофициальных нарративов позволяет обнаружить несоответствие интерпретаций события – мнемический след, остающийся после «соревнования» процессов забвения-запоминания.

След памяти – метка на ткани социокультурной реальности. Мнемические следы являются своеобразной канвой, переплетающей основные события-вехи формирования социальной памяти общности. Следы памяти указывают на мнемические противоречия, несоответствия смыслов и интерпретаций одного и того же факта. В точках пересечения этих меток возникает особое эмоциональное и энергетическое напряжение коллективного бессознательного. В социальной реальности такие следы материализуются в форме нарративов, памятных мест, повседневных практик, подчеркивающих особенности идентичности; воспоминание об этих событиях не теряет яркости переживаний независимо от временной удаленности и первым вспоминается современниками. Так, болгары, отвечая на вопрос о главном событии в национальной истории, вспоминают «500 лет турецкого рабства», шотландцы – битву при мысе Куллоден, и т. п.

Если официальная история и неофициальные нарративы не противоречат друг другу, то ткань социокультурной реальности целостна, мнемическая атмосфера эмоционально спокойная, население живет в размеренном предсказуемом мире. Опыт старших поколений беспрепятственно перетекает в жизненные стратегии и повседневные практики потомков. Воспоминания о событиях, относящихся к этим временам, характеризуются спокойным эмоциональным фоном и красочностью картин жизни предков. Социальная память не отягощена неприятными событиями; информация, сохраненная в памяти, как правило, соответствует истине.

Несоответствие неофициальных нарративов официальным свидетельствует о мнемическом дискомфорте, который современники стараются преодолеть, удерживая и репрезентируя в социальной памяти следы утраченных событий, коллективного или индивидуального опыта, который и есть правда памяти. Изучение следов памяти требует обращать внимание на причины их появления. Идти по следам памяти – значит интерпретировать смыслы и особенности понимания событий членами общности исходя из их воспоминаний о прошлом. Это значит, что общность будет понимать события прошлого в образах памяти, запечатленных независимо от требований «правильности» понимания исторической ситуации и мнений историков.

Сильная энергетика коллективного несогласия с интерпретацией события оставляет след на ткани памяти в виде мифов, политических анекдотов, произведений фольклора. Эмоциональное сопротивление действию мнемического дискомфорта активизирует энергетику мнемических следов. Их образы адаптируются к новым реальностям, мутируют, искажают реальность прошлого, навязчиво проявляются в знаковых и семантических структурах социальной памяти и социальной реальности группы.

Такое сопротивление сигнализирует о защитной реакции. Социальная память обладает терапевтическим действием на коллективное сознание в ситуациях, когда властные институты принуждают к забвению группы неудобных личностей или связанные с ними события, опасные для власти. Защитный механизм социальной памяти действует по принципу: чем сильнее действие, тем более мощным становится противодействие. Чем непопулярнее действие социальных институтов и властных структур, тем сильнее эмоции и коллективные настроения подпитывают поле социальной памяти, что усиливает ее защитные свойства. Иными словами, чем больше категорий населения депривированы властью, тем больше энергии эти события придадут социальной памяти, которая их зафиксирует, сохранит рецепты противодействия этим решениям, оставляя новые мнемические следы.

Политика памяти, актуализирующая механизм исцеления от исторической и культурной травмы, основана на стратегиях организации честного дискурса. Она базируется не только на воспроизводстве памяти о былых победах и достижениях, но и на культуре стыда и покаяния. Если субъекты политики памяти заботятся о населении, то появляется возможность «счастливого забвения» прошлого, завершения травматического цикла, темы травмы, от которой будут защищены потомки. Если общность одержима своими былыми триумфами, то это является свидетельством глубокого кризиса политических элит, которые не могут предложить населению ничего лучшего, чем «правильное» понимание истории.

Итак, следы памяти можно обнаружить в попытках забвения общностью неприятных, травмирующих ее идентичность событиях. Это результаты применения стратегий политики памяти, исключающей дискурс, охраняющих полезные для субъектов идеологии смыслы и интерпретации исторических событий. Любые попытки манипуляций исторической памятью социально опасны. Забвение, упрек, воспроизводство социальных фобий приводят к игнорированию общностью своего актуального настоящего. Без осмысления неудобных и унижающих общность событий невозможно предложить потомкам благополучное будущее, ибо они наследуют противоречивое прошлое.

Вывод

Отсутствие общественных дискуссий не способствует исцелению от травм прошлого и подменяет актуальную повестку настоящего проблемами политических элит, связанными с управлением. Будучи инструментом в формировании политики памяти, историческая память становится травмоопасной зоной общественного сознания. Политика памяти, искажающая реальность, не может способствовать национальному примирению с прошлым. Общность с синдромом «кентавра» будет идеологически управля-

ма и покорна при условии постоянной мобилизационной подпитки идеологиями политики памяти. На эти мобилизационные стратегии и практики тратится много энергии и ресурсов, необходимых для построения стратегий будущего. Но когда изнуренное мобилизационными практиками население понимает, что «не в кентавра корм», тогда политика памяти обретает смысл политического отчаяния. Несмотря на все обвинения в «предательстве интересов родины», количество способного рефлексировать населения увеличивается до критической массы. Гражданское общество начинает понимать, что нация мнемически больна, а «врачи» напоминают инквизиторов.

Социальная память связывает рвущуюся ткань времени в процессе смены поколений. Потомки наследуют символический капитал побед, достижений, исторических трагедий в виде образов памяти. Социальная память сохраняет опыт практик выживания общности. Историческая память помогает конструировать идентичность. В согласии этих видов памяти – залог благополучия общности. Противоречия в конструктах памяти – точки социокультурной напряженности. Они свидетельствуют о кризисных периодах, но разрешение противоречий – это социальная динамика, с которой общность обретает возможность развития.

Литература

1. Ахизерф А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. – 2-е изд. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 804 с.
2. Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Сова, 2004. – 358 с.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
4. Колеватов В.А. Социальная память и познание. – М.: Мысль, 1984. – 190 с.
5. Логунова Л.Ю. Семейно-родовая память: социокультурный и региональный контекст: монография / ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово: Полиграф, 2007. – 293 с.
6. Логунова Л.Ю. Социально-философский анализ семейно-родовой памяти как программы социального наследования: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2011. – 268 с.
7. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.
8. Норт Д. Функционирование экономики во времени. Нобелевская лекция (9 декабря 1993 года) [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – 2004. – № 6 (21). – URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/funkcionirovanie-ekonomiki-vo-vremeni> (дата обращения: 02.08.2018).
9. Палат М.К. История и память. Ч. 2 // Идеи и идеалы. – 2012. – № 1, т. 1. – С. 72–81.

10. Политическое сознание и поведение: эволюция и мобилизация: коллективная монография / отв. ред. Л.А. Шпак. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2016. – 151 с.
11. *Ракитов А.И.* Историческое познание: системно-гносеологический подход. – М.: Политиздат, 1992. – 306 с.
12. *Растимешина Т.В.* Влияние политики культурного наследия на политическую культуру современного общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2012. – № 5. – С. 128–135.
13. *Резник Ю.М.* Социокультурный подход как методология исследований // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. 2, вып. 1 (2). – С. 306–328.
14. *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 43 с. – (Препринт / Государственный университет «Высшая школа экономики»; WP6/2003/07).
15. *Рюзен Г.* Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания: сборник статей / отв. ред. Л.П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 38–62.
16. *Соколов Э.В.* Культура и личность. – М.: Наука, 1972. – 228 с.
17. *Тош Д.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / пер. с англ.: М.Л. Коробочкин. – М.: Весь мир, 2000. – 296 с.
18. *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. – М.: Юнити-Дана, 2008. – 543 с.
19. Указ Президента Российской Федерации от 15.05.2009 г. № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/29288> (дата обращения: 04.08.2018).
20. *Штампка П.* Социология социальных изменений: пер. с англ. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
21. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 346 с.
22. Cultural trauma and collective identity / J.C. Alexander, R. Eyerman, B. Giesen, N.J. Smelser, P. Sztompka. – Los Angeles; London: University of California Press, 2004. – 326 p.
23. *Margetić L.* Dolazak Hrvata = Ankuft der Kroaten. – Split: Književni krug, 2001. – 339 s.
24. *Morris-Suzuki T.* The past within us: media, memory, history. – London; New York: Verso, 2005. – 280 p.
25. *Roth M.* The ironist's cage: memory, trauma and the construction of history. – New York: Columbia university press, 1995. – 240 p.

Статья поступила в редакцию 08.08.2018.

Статья прошла рецензирование 18.10.2018.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-227-253

HISTORICAL AND SOCIAL MEMORY: PARADOXES AND IMPLICATIONS

Logunova Larisa,*Dr. of Sc. (Philosophy), Associate Professor,**Professor of the Department of Sociological Sciences,**Kemerovo State University,**6, Krasnaya St., Kemerovo, 650043, Russian Federation*

ORCID: 0000-0001-8417-913X.

vinsky888@mail.ru

Abstract

This paper is written on the basis of many years of research. The author studied the specifics of social memory functioning. Historical memory is an element of social memory. In times of stability of social processes all elements of social memory operate in complementary mode. But historical memory contains latent paradoxes in its structure. In crisis situations, the historical memory begins to interfere with the social memory.

Crises are times of a contradictory policy of memory. In times of crisis, historical memory attacks public consciousness with ambiguous interpretations of events. This generates pseudo patriotism, ideological excesses, distortion of traditions, prohibitions to remember “inconvenient” events. Social memory becomes a “field of stabilization” of the structures of social consciousness. The field and layers of social memory retain the experience of their ancestors in their structures, as well as the stock of knowledge, the necessary community for survival. Although the interpretation of information stored in memory structures is socially differentiated, it is cleared of politics and ideology.

The methodology of investigating the interaction of contradictions between social and historical memory is interdisciplinary, sociocultural. It also applies cultural centrim, multilevel approaches, methods of qualitative analysis (narrative interviews with representatives of different ethnic groups, restoration of family histories, content analysis of memoirs, journalism). The result of the analysis is the systematization of the contradictions of social and historical memory in crisis conditions.

Keywords: social memory, historical memory, family-matrimonial memory, social codes of memory, politics of memory, cultural centrim.

Bibliographic description for citation:

Logunova L.Yu. Historical and social memory: paradoxes and implications. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 1, pt. 2, pp. 227–253. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-227-253.

References

1. Akhiezer A.S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta*. T. 1 [Russia: Criticism of historical experience. Vol. 1]. 2nd ed. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 1997. 804 p.

2. Goncharov Yu.M. *Ocherki istorii gorodskogo byta dorevolutsionnoi Sibiri (seredina XIX – nachalo XX v.* [Essays on the history of urban life in pre-revolutionary Siberia (mid XIX – early XX century)]. Novosibirsk, Sova Publ., 2004. 358 p.
3. Durkheim E. *Sociology. Its subject, method, purpose* (Russ. ed.: Dyurkgeim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie*. Translated from French. Moscow, Kanon Publ., 1995. 352 p.).
4. Kolevatov V.A. *Sotsial'naya pamyat' i poznanie* [Social memory and cognition]. Moscow, Mys' Publ., 1984. 190 p.
5. Logunova L.Yu. *Semeino-rodovaya pamyat': sotsiokul'turnyi i regional'nyi kontekst* [Family-matrimonial memory: sociocultural and regional context]. Kemerovo, Polygraph Publ., 2007. 293 p.
6. Logunova L.Yu. *Sotsial'no-filosofskii analiz semeino-rodovoi pamyati kak programmy sotsial'nogo nasledovaniya*. Diss. dokt. philos. nauk [Socio-philosophical analysis of family-matrimonial memory as a program of social inheritance. Dr. of philosophy diss.]. Kemerovo, 2011. 268 p.
7. Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriei. Problematika mest pamyati [Between memory and history: Problems of places of memory]. Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh. de, Vinok M. *Frantsiya-pamyat'* [France-memory]. Translated from French Khapaeva D. St.-Petersburg, SPbU Publ., 1999, pp. 17–50. (In Russian).
8. North D. Funktsionirovanie ekonomiki vo vremeni. Nobelevskaya leksiya (9 ekabrya 1993 goda) [Economic performance through time. Lecture to the memory of Alfred Nobel, December 9, 1993]. *Otechestvennye zapiski – Domestic notes*, 2004, no. 6 (21). Translated from English. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/funkcionirovanie-ekonomiki-vo-vremeni> (accessed 02.08.2018). (In Russian).
9. Palat M.K. Istoriya i pamyat'. Ch. 2 [History and memory. Pt. 2]. *Idei i idealy – Ideas and ideals*, 2012, no. 1, vol. 1, pp. 72–81.
10. Shpak L.L., execut. ed. *Politicheskoe soznanie i povedenie: evolyutsiya i mobilizatsiya* [Political consciousness and behavior: evolution and mobilization]. Kemerovo, KemSU Publ., 2016. 151 p.
11. Rakitov A.I. *Istoricheskoe poznanie: sistemno-gnoseologicheskii podkhod* [Historical cognition: a system-gnoseological approach]. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 306 p.
12. Rastimeshina T.V. Vliyanie politiki kul'turnogo naslediya na politicheskuyu kul'turu sovremennogo obshchestva [The influence of the cultural heritage policy on the political culture of the modern Russian society]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2012, no. 5, pp. 128–135.
13. Reznik Yu.M. *Sotsiokul'turnyi podkhod kak metodologiya issledovaniï* [Sociocultural Approach as a Research Methodology] *Voprosy sotsial'noy teorii – Questions of Social Theory*, 2008, vol. 1, iss. 1 (2), pp. 306–328.
14. Repina L.P. *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriografii (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and problems of historiography (historiographical notes)]. Preprint no. WP6/2003/07. State University – Higher School of Economics Publ. Moscow, 2003. 43 p.

15. Rüzen J. Krizis, travma i identichnost' [Crisis, trauma and identity. Translated from Germany Antoshchenko A.V.]. *"Tsep' vremen": problemy istoricheskogo soznaniya: sbornik statei* ["The Chain of Times": problems of historical consciousness: collected of articles]. Rep. ed. L.P. Repin. Moscow, IVI RAN Publ., 2005, pp. 38–62. (In Russian).
16. Sokolov E.V. *Kul'tura i lichnost'* [Culture and personality]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 228 p.
17. Tosh J. *The Pursuit of History: Aims, Methods and New Directions in the Study of Modern History*. Harlow, Longman, 2000. 228 p. (Russ. ed.: Tosh D. *Stremeniye k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika*. Translated from English M.L. Korobochkin. Moscow, Ves' mir Publ., 2000. 296 p.).
18. Toshchenko Zh.T. *Paradoksal'nyi chelovek* [Paradoxical man]. Moscow, Yuniti-Dana, 2008. 543 p.
19. Decree N 549 of the President of the Russian Federation of 15.05.2009 "On the Commission under the President of the Russian Federation to Counter the Falsifications of History to the detriment of Russia's interests". Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/29288> (accessed 04.08.2018). (In Russian).
20. Sztompka P. *The sociology of social change*. Oxford, Wiley-Blackwell, 1993. 368 p. (Russ. ed.: Shtompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii*. Ed. by V.A. Yadov. Translated from English A.S. Dmitriev. Moscow, Aspekt-Press, 1996. 416 p.).
21. Halbwachs M. *Les cadres sociaux de la mémoire*. Paris, Librairie Félix Alcan, 1925 (Russ. ed.: Khal'bvaks M. *Sotsial'nyye ramki pamyati*. Translated from French S.N. Zenkin. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 346 p.).
22. Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Los Angeles; London. University of California Press, 2004. 326 p.
23. Margetić L. *Dolazak Hrvata = Ankuft der Kroaten*. Split, Književni krug, 2001. 339 s. (In Croatian)
24. Morris-Suzuki T. *The past within us: media, memory, history*. London, New York, Verso, 2005. 280 p.
25. Roth M. *The ironist's cage: memory, trauma and the construction of history*. New York, Columbia university press, 1995. 240 p.

The article was received on 08.08.2018.

The article was reviewed on 18.10.2018.